

УДК 37.012.2

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИНСТВА В ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Колесова А. К., Колб А. Л.

ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» (119991, Москва, М. Пироговская д.1, стр. 1), e-mail: beuty2005@rambler.ru

В статье рассматривается влияние современных проблем источниковедения, возникших в контексте методологической переориентации исторической науки, на разработку источниковедческой базы историко-педагогического изучения материнства в XIX веке. Достоверность исторического знания является центральным объектом научного переосмысления. Актуальным является решение таких проблем, как субъективность исследователя, интерпретация и концептуализация фактов, методы исторического исследования и требования к ним, отсутствие количественных и качественных норм при работе с источниками. Проблема истинности авторского прочтения особо встает в историко-педагогических исследованиях. Эта сложность обусловлена самой природой педагогического процесса, который часто характеризуют как искусство. Помимо этого при анализе результатов педагогического процесса возникают проблемы выявления роли взаимодействующих и взаимопроникающих друг в друга факторов социализации. Анализ сложившейся ситуации в современном источниковедении при конкретном исследовании материнства в историко-педагогическом дискурсе XIX века дает возможность систематизировать имеющиеся материалы, ориентируясь на синхронный и диахронный принципы отбора источников. Расширение круга источников позволяет наиболее целостно раскрыть проблему материнства в XIX в.

Ключевые слова: источник, историко-педагогическое исследование, текст, достоверность, интерпретация.

SOURCE STUDY PROBLEMS OF RESEARCH OF MOTHERHOOD IN THE HISTORICAL AND PEDAGOGICAL DISCOURSE

Kolesova A. K., Kolb A. L.

Moscow Pedagogical State University, (119991, Moscow, M. Pirogovskaya 1, p. 1), e-mail: beuty2005@rambler.ru

In article influence of modern problems of the source study which have arisen in a context of methodological reorientation of a historical science, on development of source study base of the historian – pedagogical studying of motherhood in the XIX century is considered. Reliability of historical knowledge is the central object of scientific reconsideration. The solution of such problems as subjectivity of the researcher, interpretation and a kontseptualizatsiya of the facts, methods of historical research and the requirement to them, absence of quantitative and qualitative norms is actual at work with sources. The problem of the validity of author's reading especially rises in historical and pedagogical researches. This complexity is caused by the nature of pedagogical process which often characterize as art. In addition in the analysis of results of pedagogical process there are problems of identification of a role of factors of socialization cooperating and interpenetrating each other. The current situation analysis in a modern source study, at concrete research of motherhood in a historical and pedagogical discourse of the XIX century gives the chance to systematize available materials, being guided by synchronous and diakhronny principles of selection of sources. Expansion of a circle of sources allows to open most completely a motherhood problem in XIX.

Key words: source, historical and pedagogical research, text, validity, interpretation.

Источниковедение как особая область исторической науки переживает сегодня методологическую перестройку. Предметом серьезного переосмысления стала центральная проблема *достоверности* исторического знания.

Обсуждения истинной сути исторического знания в философии истории и истинности картины прошлого в историографии возникли под влиянием изменения понятия истины в философии, представленном в аналитическом, прагматистском и экзистенциальном подходах.

Существенное влияние на *релятивизацию* понятия *объективной истины* в истории оказал развернувшийся дискурс о *субъективности* исследователя, которая проявляется на всех этапах исследования: при выборе темы, определении объекта, работе с первичными данными (наблюдениями, сбором, отбором, систематизацией эмпирического материала), их интерпретацией и построением “текста” как картины некоего сегмента реальности. Общепринятым стало понимание, что обобщение и генерализация идей исторического исследования зависит от мировоззренческой позиции исследователя, принадлежности его к определенной научной школе, «светового конуса», задаваемого историческим временем создания текста. Кроме того, историк, являясь интерпретатором интерпретаций, которые могут оказаться и преданиями, стоит в конце процесса проявлений множества субъективностей.

Во второй половине XX века под влиянием позитивизма утвердился примат *факта*, который воспринимался как нечто объективно существующее, и поэтому описание прошлого, воспроизведенного по документам, представало как достоверное знание. Современную трактовку факта предложил Л. Февр в лекции, прочитанной в Коллеж де Франс в 1933 г., заявив, что исторические факты создаются, а не являются данными [7]. Поэтому сегодня на первый план вышла проблема интерпретации и концептуализации фактов. Динамизм смены политических, идеологических, мировоззренческих факторов, определявших позиции авторов исторических исследований XX века, позволил увидеть, как на протяжении столетия одни и те же факты получали часто противоположную интерпретацию.

На состояние исторического знания повлияли теории и методы, заимствованные из современного литературоведения. Значимость понятия «*текст*» и важность его «*деконструкции*» как особого метода анализа определил «лингвистический поворот». Так, утверждение основателя деконструктивизма Ж. Деррида, что в любом тексте присутствуют стереотипы, формальные клише, принимаемые как аксиомы, определило ценность целенаправленного анализа словоупотреблений, стереотипных выражений, идеологических клише, рассматриваемых как деконструкция текста [2]. Такой подход способствовал формированию особого стиля критического восприятия сообщения, освобождающего от догматизма авторского мировосприятия. А поскольку в лингвистическом подходе не существует другой реальности, кроме текста, а текст исторического нарратива (или даже источника, которым пользовался историк) дает только образ реальности, то цельность реальности прошлого становится недостижимой.

В историческом исследовании не существует норм количества и качества источников, подтверждающих достоверность сделанных автором на основании их анализа суждений (то,

что в исследовании современных процессов решается требованиями валидности и репрезентативности), поэтому устоявшееся в массовом сознании представление, что «историк должен писать о том, что “было на самом деле», сегодня в научном сообществе историков вытесняется утверждениями об общей релятивизации понятий «*истины*» и «*объективности*». При этом современный этап методологической рефлексии в исторической науке в целом и в источниковедении оставляет открытой проблему соотнесения исторического нарратива и исторического знания.

В историко-педагогическом исследовании вопрос об относительной истинности предлагаемого автором прочтения педагогической реальности усугубляется самой природой педагогического процесса, который во многом, будучи проявлением искусства, представляет сложность для объективного описания. Антропологический дискурс в историко-педагогическом исследовании, в силу особой акцентации уникальности человека как «обучаемого и обучающегося» и «воспитываемого и воспитуемого», предстает, по удачному определению В. К. Пичугиной, «расплывчатым пятном» [3]. На анализ педагогической реальности прошлого влияет и сложность отслеживания взаимопроникновения составляющих социализации.

Сложившаяся ситуация в современном источниковедении определяет отбор и интерпретацию источников в конкретном исследовании материнства в историко-педагогическом дискурсе XIX века.

Признание идеи синтеза различных подходов как наиболее адекватной современному этапу развития методологии исторической науки определяет возможность ориентации на диахронный и синхронный принципы в поиске источников, отражающих информацию обо всех сферах социализации человека в рассматриваемом историческом периоде. В диахронном разрезе могут быть выделены три исторических этапа: дореформенный, пореформенный и конец XIX века. В синхронном – социализация в условиях столичной и провинциальной жизни в различных регионах и практика воспитания сословий и социальных групп России исследуемого периода. Такой подход позволяет обращаться к источникам, обладающим более устойчивой степенью достоверности (законодательные, государственные акты, статистика, нормативные документы, судебные протоколы), дающим основания для типологизации, и к материалам, отвечающим требованиям микроистории и истории повседневности (дневникам, письмам, мемуарам, произведениям художественной литературы, изобразительного и музыкального искусства, публицистике).

При исследовании каждой группы источников в современной ситуации методологической перестройки исторической науки открываются новые возможности дискурса.

Документальные источники (законодательные, государственные акты, статистика, нормативные материалы и пр.) интересны тем, что: в них прослеживается присутствие христианских источников, их содержание устойчиво до конца XIX века, их роль в системе государственного регулирования специфична. Будучи всегда нарушаемыми, и особенно к концу XIX века, они, однако, выполняли нормативную функцию сохранения семьи. Несовершенство статистики по семейному вопросу в России XIX века, которая не освещала проблем, связанных с незаконнорожденными и их матерями, было подробно рассмотрено В. В. Розановым, называвшим свой труд «Семейный вопрос в России» "Архивом семейных болестей русского народа» [4, С. 269]. В то же время в отборе В. В. Розановым фактологического материала присутствовала тенденциозность, вызванная его личной заинтересованностью в проблеме.

Анализ социально-культурной оценки незаконнорожденности для понимания феномена материнства возможен лишь при привлечении источников разного плана, которые осветили бы официально правовую составляющую, реальную практику (то, что воспринималось как общепринятое), внутренний личный план переживания женщины, мотивацию ее поведения. В подобном анализе, помимо законодательных и статистических документов, большое место принадлежит художественной литературе. Например, рассказ Л. Н. Толстого о матери Катюши Масловой, которая будучи незамужней «рожала каждый год, и, как это обыкновенно делается по деревням, ребенка крестили, а потом она не кормила нежеланно появившегося ненужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода. Так умерло пять детей. Всех их крестили. Потом не кормили и они умирали» [6, С.8], передает разрушение материнского самоощущения, то, что сегодня называют девиантным материнством. Оно существовало как привычное для крестьянства, в большинстве случаев не обсуждаемое публично, так как в обществе существовала двойная мораль в отношении к матери, имеющей детей в браке и вовлеченной в грех, тем более грешнице крестьянке, представительнице женщин низкого социального круга. По закону за убийство ребенка следовало жесточайшее наказание, но в практике обыденной жизни, несмотря на ее православные нормы, это покрывалось. В то же время жесткость официальных норм, сохраняемых в законодательных актах на всем протяжении XIX века, сдерживало разрушение семьи, в том числе и крестьянской. Об этом можно судить по материалам исследователей рассматриваемого периода. Например, О. П. Семенова-Тян-Шанская, собрав подробнейшие сведения о быте крестьян черноземных губерний (документы, записи наблюдений, бесед с крестьянами), подробно описала жизнь крестьянской семьи, показав устойчивую ориентацию на семейные православные ценности и высокий статус материнства, несмотря на тяжелые условия жизни [5].

Число источников личного происхождения по вопросам семьи и материнства на протяжении XIX века динамично росло, но они оказались под влиянием тенденциозности, вызванной нарастанием секуляризма и феминизма, во власти которых оказались как сами авторы личных документов, так и их последующие интерпретаторы. Противоречие между христианскими основами семьи и материнства, лежащими в отечественной традиции, поддерживаемыми в XIX веке государством и церковью, влиявшими на семью и материнское воспитание, и новыми представлениями о самореализации женщины и семье не только проявилось при оценке материнства в публицистике, художественной литературе, мемуарах рассматриваемого периода. Это противоречие отразилось и в современной гендерной истории, где упрочился образ угнетаемой, закрепощенной семьей женщины. Исследователи, опираясь на нынешние смыслы культуры, в диалоге с прошлым актуализировали наиболее созвучные современным прочтениям источники и подходы, что подтверждает удачно сформулированное суждение польского исследователя В. Вжосека: «культурная коммуникация отдает приоритет тем картинам исторического порядка, которые благоприятствуют доминирующим в сфере культурной коммуникации ценностям и их актуальным воплощениям. Так происходит потому, что память прошлого участвует в формировании нынешних смыслов культуры» [1, С.65].

Таким образом, в контексте современной методологической переориентации особенно важно освещение явления во всем его многообразии и противоречивости, что требует обращения к источникам различного типа и приближает к его пониманию. Но в то же время даже полифония источников не гарантирует абсолютной правильности прочтения истории и не освобождает от авторской субъективности.

Список литературы

1. Вжосек В. О трех типах тенденциозности в истории // История и современность. – 2007. – № 2. – С.61-78.
2. Медушевская О. М. Источниковедение: Теория, история и метод. – М., 1996. – 79 с.
3. Пичугина В. К. Антропологические дискурсы модерна и постмодерна // История теории и практики образования: монография / под ред. Г. Б. Корнетова. – АСОУ, 2012. - 220 с.
4. Розанов В. В. Семейный вопрос в России / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – 829 с.
5. Семенова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана» // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов,

фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: В 3 кн. Кн. 1 / изд. подгот.

Н. Л. Пушкарева, Л. В. Бессмертных. – М.: Ладомир, 2004. – С. 641-731.

6. Толстой Л. Н. Воскресение. – М.: Астрель, 2012. – 480 с.

7. Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю: пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – С. 10-23.

Рецензенты:

Леванова Е. А., д.п.н., профессор кафедры педагогики и психологии Московского социально-педагогического института, г. Москва.

Серякова С. Б., д.п.н., профессор кафедры педагогики и психологии Московского социально-педагогического института, г. Москва.